DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

оригинальная статья
УДК 304.4

Солидарность как социо-антропологический феномен

Владимир И. Красиков [a, @, ID]

[a] Всероссийский государственный университет юстиции, 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1

[@] KrasVladIv@gmail.com

[ID] www.researcherid.com/rid/Y-8080-2018

Поступила в редакцию 21.11.2019. Принята к печати 13.12.2019.

Аннотация: В контексте новой информации и подходов к пониманию человеческой природы, разработанных в социобиологии, этологии человека и эволюционной антропологии, возникла потребность в новых концептуализациях солидарности: в антропологическом и социо-историческом измерениях. В статье представлен один из возможных вариантов ее концептуализации: через сопоставление биологических и человеческих черт, через определение ее как специфической социальной формы взаимодействия (связности) людей и основных ее исторических воплощений. Выявлены как общие черты между связностью биологических сообществ и солидарностью людских объединений, так и существенные различия. Существеннейшими из последних являются человеческие способности к самоограничению и дисциплине как следствие сознательного характера солидарности. Солидарность как специфическая социальная форма взаимодействия людей является не следствием их психологических особенностей, а обуславливается способами, какими ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, сообразно их количеству и степени сближения. Важнейшим психологическим измерением солидарности естественных групп является органичность – целостность, взаимосогласованность индивидуальных чувствований и переживаний, выступающих как единое целое по отношению к другим группам. Солидарность есть связность человеческих сообществ, основанием которой выступают исторические типы социального взаимодействия, а единство элементов задается как степенью неблагоприятности окружения, так и степенью внутренней взаимосогласованности интересов и чувств. В зависимости от исторической конкретики действия факторов разделения труда и персонализации солидарность обнаруживает две свои основные устойчивые формы: органическую и рационализированную. К историческим формам органической солидарности автор относит родовую, семейно-клановую, эгалитарную, сословную и хилиастическую.

Ключевые слова: антропологический аспект, социо-исторический аспект, связность биологических сообществ, солидарность в социуме, социальное взаимодействие, органическая солидарность, рационализированная солидарность, родовая солидарность, семейно-клановая солидарность, эгалитарная солидарность, корпоративная солидарность, хилиастическая солидарность

Для цитирования: Красиков В. И. Солидарность как социо-антропологический феномен // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 4. С. 355–364. DOI: https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

Введение

Наиболее интенсивно понятие *солидарность* циркулировало в научном дискурсе XIX – первой половины XX в. Были разработаны соответствующие теории целым рядом социологов того времени: К. Марксом, Г. Спенсером, О. Контом, Ф. Теннисом, Ф. Гиддингсом, Э. Дюркгеймом, В. Парето, П. Сорокиным и Т. Парсонсом. Солидарность интерпретировалась как важнейшее условие развития общества, один из основных его форматирующих признаков [1]. В настоящее время, однако, многие исследователи констатируют постепенное вымывание понятия *солидарность* из активного исследовательского оборота, и уже не в каждом философском и социологическом словаре можно найти дефиниции этого термина [2].

Солидарность в большинстве случаев понимается как принцип чисто социального существования, предполагающий объединение ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, причем после П. А. Кропоткина [3] и Э. Дюркгейма [4] уже не принимается во внимание антропологическая и социо-онтологическая подоплека. Солидарность также превращается в одну из общественных ценностей или же разновидность идеологии (солидаризм, корпоративизм) [5]. Нам представляется, что в наши дни в контексте новой информации и подходов к пониманию человеческой природы, разработанных в социобиологии [6], этологии человека [7], эволюционной психологии [8] и эволюционной антропологии [8–10], необходима новая концептуализация солидарности: именно в антропологическом и социо-историческом измерениях. Подобная необходимость обусловлена атрибутивностью солидарности, равно как и персональности, действительной природе человека. Между тем в силу известных трендов, определявших мировоззренческо-идеологические приоритеты последних десятилетий, произошло искажающее

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

смещение внимания лишь на одну из сторон человеческой натуры и забвение другой, имманентной ее ипостаси.

Мы намерены здесь представить один из возможных вариантов концептуализации солидарности: через сопоставление биологических и человеческих ее черт, через определение ее как специфически социальной формы взаимодействия (связности) людей и основных ее исторических воплощений.

Теоретические основы I: сопоставление биологических и человеческих черт солидарности

Наша антропологическая природа двойственна: присутствует императив единения и односущностно стремление к индивидуации. Подобные укорененные стремления – в одной структуре – чреваты конфликтностью, т. к. ориентируют человека на разные поведенческо-ценностные стратегии.

Порождаемая совместным проживанием и совместной деятельностью множества одновидовых существ солидарность не является сугубо человеческим свойством. В мире животных жизнь в сообществе – достаточно широко распространенное явление. Человеческие и животные сообщества в равной мере используют выгоды совместной жизнедеятельности, повышающей выживаемость, оптимизирующей адаптацию [11]. Однако каковы они, эти преимущества жизни в сообществе?

Объединение множества сравнительно слабых особей в сообщество создает принципиально иное качество, новую единицу эволюционного отбора – в конкуренции с крупными и сильными особями своего же вида или же других видов, своего рода индивидуалами. Оно, сообщество, определяет большую вариативность и в индивидуальном поведении стайной особи, т. к. находящиеся рядом партнеры всегда могут продублировать нужную для выживания целого функцию. В своем поведении индивидуал же более ограничен, его практически всегда ведет необходимость, т. к. рядом нет подстраховки. Еще более важным является то обстоятельство, что лишь в сообществе происходит нивелирование преимуществ физически сильных особей, их уравнивание – в важных аспектах выживания – со слабыми. Качества неуспешных особей, кажущиеся на первый взгляд излишеством или слабостью, вполне могут оказаться эволюционно перспективными в будущем. Тем самым сообщество сохраняет весь свой генофонд, дает шансы продолжения рода как слабым особям, так и с отклоняющимся от средней нормы поведением.

В сообществах как животных, так и людей общей формой связности является альтруизм. Задолго до современных этологических исследований, еще в начале XX в., П. А. Кропоткин выяснил важную роль взаимопомощи как фактора эволюции [12]. Соответственно, доминирующей чертой многих животных сообществ, а затем и человеческих, является альтруизм, который заключается в преобладании взаимопомощи в отношениях внутри группы, перекрывающей зачастую, в случае опасности, инстинкт самосохранения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что подобный альтруизм отличен от альтруизма в этике, отнюдь не абстрактное человеколюбие, бескорыстное служение. Альтруизм в ранних человеческих сообществах – это, как отмечает современная этология, генно-родственный коллективный эгоизм [13]. Он распространяется только на родственников либо на живущих рядом соседей. Помогают, жертвуя даже жизнью, члену сообщества родственников, в отдельных случаях соседям-единоплеменникам. Подобная самоотверженность отдельной особи увеличивает шансы выживания целого, а следовательно, шансы «увековечивания» генов тех, кто остался в живых. Такой альтруизм и лежит в основе стабильности во времени и эволюционной гибкости животных и людских сообществ [14].

Таким образом, в силу общей эволюционной природы связность в сообществах животных и солидарность у людей обладают некоторыми общими чертами [15]. Еще одной такой общей чертой является их внутренняя дифференциация, которая реализуется в статусной структурности и институте лидерства. Именно функциональная расчлененность жизнедеятельности и является основой взаимозависимости и устойчивости подобных групп.

Несмотря на эти общие черты, между связностью биологических сообществ и солидарностью людских объединений должны быть и имеются существенные различия. Они отражают собой качественность новой фазы эволюции связности множеств – солидарности групп людей в социуме.

Единство животного сообщества основано на единстве выполнения видовой наследственной программы. Последняя оформляется стихийно-адаптивно – на надгрупповом уровне, уровне вида животных – и включена в более широкий контекст объективного, естественного и не персонифицированного процесса, развития жизни на Земле – эволюции.

Единство человеческих коллективов во многом предопределено единством реализуемой программы. «Программирование» в социуме первоначально также осуществляется на надгрупповом уровне. Речь идет прежде всего о биосоциальных объединениях: родах и этносах. Это и понятно, подобные образования имеют сходные конституирующие факторы: адаптирующее воздействие региона проживания, объединяющий кровнородственный альтруизм [16], поддержание гомеостаза сообщества и т. п. И то, что мы называем этническим образом жизни, являлось первоначально аналогом биологических программ поведения у животных видов. Появление же культуры как сознательного нормирования деятельности: выработка регулятивов деятельности и поведения – означало возникновение нормирования на групповом уровне – субъективное определение и формулирование целей и путей их реализации. Интересы группы осознаются в виде целей деятельности коллективным сознанием и лидерами сообществ, само же сообщество функционирует именно как коллектив.

Различными являются и механизмы трансляции этих программ, поскольку в людских объединениях необходима преемственность между поколениями деятелей. Если в животных сообществах и первобытных коллективах традиция как передача программ существует отчасти через

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

врожденные стереотипы, отчасти через психологическое внушение норм и функций младшему поколению [17], то в условиях цивилизованного общества возникают *новые трансмиссионные механизмы* в виде педагогической сферы и исторического сознания.

Однако важнейшей квалификацией солидарности в сравнении со связностью животного сообщества является сознательный характер социального взаимодействия. Причем это различие состоит не в том хрестоматийном смысле, что люди в отличие от животных являются носителями сознания, а в *характере* взаимодействия в коллективах людей.

Солидарность в социуме означает совместную деятельность единиц. Эта совместность базируется не просто на запрограммированном выполнении своей части работы, но и на сознательном видении общей цели, соучастии в ее выработке и эмоциональном ее принятии. Сознательный характер солидарности обуславливает такие важнейшие социальные характеристики, определявшие нормативный фундамент общества, как способности к самоограничению, самонасилию и дисциплине. Именно в человеческих коллективах возникает равновесие добровольных подчинений и контролируемых допущений.

Итак, генетические корни солидарности находятся в ближайшем предшествующем онтологическом слое – связности сообществ животных. Это предопределяет существование естественной фазы развития солидарности и человеческих коллективов. Она несет на себе сильнейшие следы влияния предшествующей животной стадии: программируемость на надгрупповом уровне, жесткую естественную дифференциацию и т. д. Это ставит проблему сапиентной идентификации многих ранних форм коллективизма и делает необоснованным отождествление коллективизма как такового с ранним коллективизмом [18]. Наконец, сознательность человеческой солидарности является важнейшим отличительным признаком человеческих коллективов, по сравнению с сообществами животных, и мерой зрелости коллективизма.

Таким образом, солидарность глубоко укоренена в нашей действительности. Во-первых, она имеет онтологические основания в эволюционной структуре нашего типа объективной реальности в виде модифицирующейся связности сменяющих друг друга типов множеств в неорганической, органической и социальной природах. Прогрессирующая модификация связности является выражением одной из возможных линий развития мироздания, которая реализует тенденцию к интеграции, одной из закономерностей самоорганизации сущего. Во-вторых, солидарность имеет генетические основания в предшествующей, весьма близкой нам по ряду параметров форме связности – в сообществе животных. Выяснение генетических оснований дает нам возможность понять органичный характер природы солидарности. Органичность, определяемая как психологическое единение группы, являющееся результатом ряда объединительных параметров и делающее человеческую группу коллективом, является важнейшим источником солидарности. В-третьих, солидарность имеет основания в родовой и индивидуальной природе человека, удовлетворяя существеннейшие его потребности и устремления. Это нашло свое проявление в характере социальной организации, функционирования и тенденций саморазвития общественного целого. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод об *атрибутивности* солидарности для человеческой природы.

Теоретические основы II: специфическая социальная форма взаимодействия

Она представляет собой, прежде всего, тип социального взаимодействия. Действительно, большая часть наших состояний сознания не появилась бы у изолированных существ и появилась бы совсем иначе у существ, сгруппированных иным образом. Значит, они вытекают не из психологической природы человека вообще, но из способа, каким ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, сообразно их количеству и степени сближения. Так как они продукты групповой жизни, то только природа группы может их объяснить.

Данное положение о солидарности как типе социального взаимодействия (связности) мы стремимся интерпретировать не столько в объективистском духе, сколько в *антропологическом* ключе. Социальная связность представляет собой условие видового сохранения человека и его непрерывной экспансии в бытии.

Солидарность всегда конкретна и исторична. Причем, как предположил К. Мангейм, «дух групповой солидарности» зависит от степени неблагоприятности окружающих объективных условий [19, с. 485]. Чем более они неблагоприятны, тем выше солидарность группы, ее цельность и ниже самостоятельность отдельных индивидов. На этой стадии правилом является взаимопомощь и добровольное сотрудничество. Индивидуализм, как правило, связан со стабильно-благоприятными условиями жизни, не требующими объединения усилий многих для противостояния природным или социальным факторам [20]. Из этого вытекает, что если общество в своем развитии закономерно переживает периоды потрясений и благоденствия, то можно предположить и некую ритмику солидарности.

Вместе с тем солидарность все же несет на себе слишком явные следы психологизма, чтобы ими можно было пренебречь. Понятно, что солидарность – область функционирования коллективной психологической жизни, которая образует принципиально иную психореальность, нежели область индивидуальной психической жизни. Важнейшим психологическим измерением солидарности является *органичность* – целостность, взаимосогласованность индивидуальных чувствований и переживаний, выступающих как единое целое по отношению к другим группам. Понятно, что подобная органичность основана на общих, базовых мотивациях, ценностях. Это, скорее, живое единство, нежели конвенция. Органичный характер коллективной психореальности является важнейшим измерением солидарности естественных групп, т. е. складывающихся на базе общности крови и происхождения.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

Хотя существует и рационализированная солидарность, базовым образцом для солидарности как таковой является органическая солидарность, определяющая собой видовой тип связности *homo*. Кроме этих фундаментальных свойств, солидарность может характеризоваться определенной структурой, функциональной насыщенностью и т. д.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предложить следующую дефиницию солидарности: она есть связность человеческих сообществ, основанием которой выступают исторические типы социального взаимодействия, а единство элементов задается как степенью неблагоприятности окружения, так и степенью внутренней взаимосогласованности интересов и чувств.

Содержательные моменты определения солидарности:

1. Мы рассматриваем солидарность через связность, акцентируя тем самым преемственность человеческих интеграций в общеэволюционном процессе самоорганизации жизни.
2. Подчеркиваем производный характер солидарности от типа социального взаимодействия, утверждая тем самым приоритет и более широкий контекст социальности по отношению к солидарности. Тем самым мы говорим, что солидарность есть лишь одна из сторон общественности, как и индивидуация.
3. Солидарность есть связь, связность, реализующаяся во взаимодействии. Это указывает на то, что солидарность есть способ бытия людей (в группе), обуславливаемый экономическими, политическими, социокультурными и прочими факторами.
4. Основанием солидарности является не просто социальное взаимодействие, а его исторические типы. Подобное обстоятельство является важной характеристикой, поскольку связывает солидарность с реальной историей, в которой человечество само формирует свои групповые формы существования.
5. Определяется важная зависимость целостности и единства человеческих сообществ от степени неблагоприятности окружающих условий. Во многом органическая солидарность естественных групп, вплоть до Нового времени, продуцировалась как раз весьма большой степенью неблагоприятности природного и социального окружения.
6. Степень сближения интересов и чувств людей в группе, их коллективная психореальность является важнейшим измерением солидарности, делающим человеческое объединение единой целостностью.

Жизнь во взаимодействии с себе подобными является способом существования людей. Это обстоятельство обуславливает необходимость постоянного воспроизведения основных общественных форм или ранее найденных и доказавших свою эффективность ключевых форм сотрудничества и кооперации людей. Именно факторы социального функционирования порождают модификации солидарности: в воспроизводстве человека (родственная, семейная солидарность), в постоянно возобновляющемся процессе хозяйственной деятельности (кооперация в производственных коллективах, торговых ассоциациях и т. п.), в познании (научные сообщества) и т. д. [21].

Факторы развития общества в свою очередь инициируют новые формы солидарности. Именно они ответственны за историческую поливариантность солидарности. Природа этих факторов до сих пор является дискуссионной проблемой в социальной философии [22]. На наш взгляд, природа этих факторов состоит в *спонтанности самодифференциации* социума, чья интенсивность зависит от динамики внутренних противоречий.

Это обусловлено особым характером человеческих множеств. Общество, или множество человеческих индивидов, – это не множество видовых единиц, а, скорее, множество неуемно-потребностных (непрогнозируемых в силу свободы воли и разума) разностей. Это множество разностей генерирует множество возможных вариантов поведения и путей развития. Как правило, в реальном общественном взаимодействии эта поливариантность векторно суммируется и «гасится» на макроуровне. Но на социальном микроуровне она остается в виде множества индивидуальных отклонений (оказывающих персонализирующее воздействие на их носителей), «трещинок» на изначально монолитном «теле» социума. Когда таковых набирается до критической массы, приходит саморазрушение данной связности, данного типа социального взаимодействия, происходит десолидирование общества. В основном это периоды общественных кризисов и революций. Как известно, все эти смутные времена неизбежно проходят в силу опять-таки саморегенерации общественной жизни, без которой невозможно растить детей и сеять хлеб. Соответственно этому люди определяют для себя новые формы солидарности. Совершенно естественно, что самодифференциация общества теснейшим образом связана с процессом персонализации, поскольку мера последней определяет интенсивность и глубину индивидуальных различий, определяющих темпы и направленность дифференциации [23]. Таким образом, факторы общественного развития – самодифференциация (разделение труда или «расщепление» человеческой деятельности) и персонализация – являются каузальными причинами смены форм солидарности в социуме.

Теоретические основы III: основные устойчивые формы солидарности

В зависимости от исторической конкретики действия указанных факторов общественного развития солидарность обнаруживает две свои основные устойчивые формы: *органическую* и *рационализированную*. Органическую форму солидарности мы выделяем по следующим критериям. Во-первых, органическая форма социальной связности имеет место быть в естественных социальных группах, которые никем социально не спроектированы. Эти группы первоначально возникают в итоге спонтанного развития, где обуславливающие факторы неявны и комплексны: патриархальная семья, род, небольшие компактные этносы. Вместе с тем естественное здесь – не синоним лишь биологического, кровнородственного. Может быть естественной и спонтанная социальность, в итоге которой появляются большие социальные группы типа каст или же сословий.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

Итак, людские сообщества, которые формируются спонтанно, но не случайно, т. е. обусловлены в своем появлении и устойчивом функционировании природными и историческими факторами, можно назвать естественными группами, связанными органической солидарностью.

Во-вторых, органическая форма солидарности естественных групп носит *иррациональный* характер. В термин *иррациональный* мы вкладываем смысл, противоположный рациональному. Если понятие *рациональный* в общем, не историко-философском, виде обозначает *целеполагающий* способ осуществления чего-либо – мышления, труда, деятельности и т. п., – то иррациональный в нашем употреблении имеет смысл *не полагающий четко фиксируемую и удерживаемую вниманием цель.* Поэтому, говоря, что солидарность в органических группах иррациональна, мы подчеркиваем прежде всего ее исходно, генезисно не проектируемый характер, однако впоследствии она может быть осознана, а может и нет. Здесь важна ее исходная неосознанность.

Иррациональность органической солидарности проявляется и в том, что общность здесь базируется, скорее, на непосредственности эмоциональной сопричастности, нежели на осознанных и теоретически сформулированных идеологиях. Человек рождается в этих группах и социализируется, органично усваивая их ценности и стереотипы поведения. Чувства эмоционального единения и сопричастности максимализируются в малой контактной естественной группе и довольно быстро ослабевают в большой дистантной.

Конечно, чувство эмоциональной сопричастности может возникнуть и в рационализированной группе и захватить человека на время пребывания в этой группе. Но оно не непосредственно, а возникает в итоге волевых усилий человека к включению и адаптации. Напротив, в естественных группах психологически первична непосредственная сопричастность, равно как и идентификация с «мы». Значит, коллективное сознание этих групп первично и иррационально, а не есть суммирование и осознание коллективных интересов, как в рационализированных группах. Коллективное сознание этих групп имеет под собой особую психореальность, которая целостна, самозаконна и императивна на бессознательном уровне. Именно она и формирует чувство органичности своего места в мироздании, основательности бытия [24]. В каждом человеке как представителе естественной группы «говорит» его род, этнос, местная территориальная общность, представляя смыслообразующий стержень его деятельности и поведения.

Итак, органическая солидарность порождается комплексом естественных (природно-естественных и социально-естественных) факторов, характеризует связность в устойчивых, межпоколенных группах. Глубинный, укорененный характер данной формы солидарности определяет и то, что ее главные чувствования и смыслы имплицитно включены не только в этнические и религиозные мировоззренческие манифестации, но и образуют фундамент гуманизма, так сказать, нашей видовой идеологии.

Соответственно, органическая солидарность – это *принцип связности* любой естественной группы, не обязательно биологической. И пока есть спонтанность социальной самодифференциации, не случайно порождающей *новые* естественные группы, до сих пор есть и органическая солидарность. Как особый принцип связности определенных социальных групп она отнюдь не исчезла с разрушением многих классических форм органических сообществ (типа рода, патриархальной семьи, сословия) во время периода экспансии индивидуалистских форм бытия в Новое время в Западной Европе. В некоторых новых социальных группах после относительного краткого торжества индивидуализма произошло восстановление органической солидарности, но уже в иных формах [25]. Она исконна и первична – как в истории человеческих сообществ, так и для каждого из нас в детстве. Все остальные формы солидарности – вторичны, и их можно назвать рационализированными.

Рационализированные формы солидарности связывают группы людей, выполняющих определенные, жизненно важные для общества функции. Они отличимы от органической солидарности по некоторым существенным критериям.

Во-первых, они возникают в *социально спроектированных* группах. Речь идет о сознательном характере их конституирования, их общественно целесообразной функции, которые осознаются и волевым образом устанавливаются: либо власть предержащими, либо лидерами каких-либо областей общественной жизни. Так возникают политические группировки, секты, изначальные конфессии, полиция, армия, профсоюзы, общественные объединения и др. Стихийно может возникнуть потребность в них, однако само их конституирование целеполагаемо. Это и делает их *искусственными, функциональными* группами. Конечно, их появление необходимо и закономерно – как необходима и закономерна их функция для социума, но они не могут иметь органичный характер, по крайней мере, в момент своего появления.

Рационализированный характер подобных форм обусловлен их социальной спроектированностью, целеполаганиями при их создании. Внутри этих коллективов отношения между членами складываются в результате формальных либо неформальных договоренностей (кодексы, уставы, дисциплина и пр.). Такие договоренности определяют правила приема и исключения, цели объединения, его структуру и функции и т. д. Можно ли назвать отношения внутри подобных объединений лишь формальными, юридическими и эмоционально-отстраненными? Нет, это было упрощением. Люди – существа, эмоционально обживающие любые места [26], даже их вынужденного пребывания. И часто такое эмоциональное освоение может превратить через определенное время и формальные организации в нечто, напоминающее органические сообщества. Но это всегда лишь отдаленное подобие, поскольку по сравнению с межпоколенным характером солидарных групп органического типа функционирование рационализированных групп обуславливает быстрый темп обновления их участников, равно как и периодические изменения деятельности в корреляции с изменениями общественных условий.

Здесь непременно появляются свои специфические групповые шаблоны поведения и морали. Могут даже

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

появляться своего рода чувства эмоциональной сопричастности групповому «мы», особенно в экстремальных ситуациях. Все же в целом групповое сознание этих объединений рационально, опирается более на идеологию, нежели на психологию. Не способствует также формированию чувства укорененности, органичности своего места в структуре социума и мироздания их искусственный характер формирования, исходные функциональные целеполагания. Отсюда чувства ассоциированности своего места, временности статуса у членов подобных групп. Конечно, многие идеологии новообразованных групп исходят из самозащитных мотивов, объявляя о сверхценности именно данной профессии или рода занятий для общества (т. н. профессиональный кретинизм). Однако проницательные люди интуитивно довольно четко различают естественность и искусственность своих основных жизненных состояний в разных формах солидарных групп.

Результаты

После того, как мы получили методологические представления об отличительности этих двух форм солидарности, можно применить их для получения результатов – *исторической типологии солидарности*. Следуя заявленным критериям, мы выявили следующие ее формы: родовая солидарность и ее цивилизационные модификации (семейно-клановая и эгалитарная), корпоративная и хилиастическая [27].

Родовая форма солидарности древних кровнородственных сообществ обуславливалась относительной слабостью человеческих возможностей в то время. Родство, брак, совместные процедуры социализации и групповые пиры-празднества – вот основные факторы консолидации, которые и определяли функционирование этой первой формы органической солидарности. Она имела специфическую форму фиксации в групповом сознании – в виде определенной нормативки, регулировавшей отношения между людьми. Моральный кодекс носил подлинно коллективный характер.

Мы полагаем, что при переходе к ранним цивилизациям, городской жизни, родовая солидарность претерпела как минимум две модификации. Бросаются в глаза два характерных варианта исторического развития – на Юго-Востоке и Северо-Западе тогдашней ойкумены. Первый – прямой родственный, реализовавшийся через аристократический путь монополизации властных функций и соответствующей организации социума по типу патриархатной семьи – иерархично-пирамидально. Второй – косвенно родственный, воплотившийся через эгалитарный путь превращения соседской общины равных в определенную форму демократического государственного устройства – полис.

Семейно-клановая солидарность отчетливо вычленима на основе материалов исследований по чжоускому Китаю (с 1045 г. до н. э. по 221 г. до н. э.) [28]. В это время государственная структура Древнего Китая была выстроена на основе клановости со свойственным ей членением на возрастные группы, поколения, брачные и социальные классы. Причем она утвердилась не только в центре, но и благодаря мимезису копировалась региональными правителями. Это позволяет нам говорить о трансформации родовой солидарности в семейно-клановую. Много схожего имели эти формы, основываясь на кровном родстве. Вместе с тем произошло и некоторое изменение приоритетов. В сравнении с родовой солидарностью семейно-клановая более биологична, ибо гораздо строже относилась к вопросам крови, происхождения именно по линии семьи, хотя и все же допускала, в известных случаях, адопцию чужаков в семью. Произошли и соответствующие идеологические изменения. В сравнении с родовой солидарностью, фундированной общностью мифического тотемного предка и нечеткой представленной генеалогией семейно-клановая солидарность основывалась на культе прямых предков с четко фиксированной генеалогией.

Другой путь предполагал более последовательное развитие эгалитарной стороны родовой солидарности и отказ от попыток семейного закрепления части общественного богатства в наследуемую и неотчуждаемую собственность. *Эгалитарная (полисная) солидарность* возникла как связность гражданского коллектива, т. е. совокупности полноправных граждан данного полиса [29]. Полноправность же включала в себя ряд обязательных состояний и признаков: укорененность (определенный ряд поколений предков), владение наследственным участком земли, участие в общественной деятельности народных собраний и выполнение воинского долга. Как видно из определения полноправности гражданина, полисная форма солидарности была органической. И именно она породила одну из наиболее привлекательных систем коллективистских ценностей. Маленький город-государство, территориальный коллектив, был для греков тем миром, в котором они наиболее полно ощущали свою свободу, свое благосостояние и реализовывали свою собственную личность.

Далее следует *корпоративная (сословная) солидарность* Средневековья. Средневековые корпорации-сословия объединялись многообразными факторами [30]. Сюда входили общность образа жизни, мест проживания и идеологии, единство выполняемых социальных и профессиональных функций. Это задает однотипные психологию, идеологию, стереотипы поведения и одежды. Средневековые корпорации – это союзы вассалов, рыцарские объединения, монашеские братии, гильдии купцов, ремесленные цеха и т. п. Сословная солидарность имела определенно органический характер: здесь люди рождались, жили и проявляли активность, удовлетворяя в пределах очерченного сословием (или корпорацией) круга общения свои социальные потребности. Здесь вырабатывалось свое специфическое групповое сознание.

С Новым временем наступает эпоха капитализма, индустриализма и индивидуализма. Она знаменательна тем, что по ходу ее становления совершается беспрецедентное – распад и гибель традиционных межпоколенных человеческих объединений, органических форм солидарности.

В социуме утверждается преобладание рационализированных форм солидарности [31]. Вместе с тем все

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

ранее существовавшие потребности, как индивидуальные, так и видовые, удовлетворить которые возможно только в рамках органической общности, никуда не исчезли. Однако функционализм и спроектированность рационализированных объединений ставила серьезные препятствия на пути их реализации. Потребности вполне архаичные, иррациональные, но столь же действенные, как и десятки тысяч лет до того, которые никак не смогли изменить считанные века новой жизни: потребность чувствовать себя частицей чего-то более общего и величественного; потребность к приобщению к глубинным структурам мироздания, где тебе отведена немаловажная роль; потребность самоувековечивания через связь с волнами предшествующих, «таких же, как ты».

Подобные потребности реализовывались ранее уже самим фактом существования традиции и традиционных групп. Их разрушение создало вакуум органичности, заполняемый *квазиорганичными* формами солидарности. Мы используем приставку *квази* для обозначения их искусственного, сконструированного характера. Вместе с тем создается видимость реализации вышеуказанных потребностей. Мы имеем в виду *хилиастические* формы солидарности. Как известно, хилиазм, согласно К. Мангейму, – «экстремальное» мироощущение, формирующееся и формируемое как у отдельных людей, так и у групп [32]. Речь идет о «нетерпеливом» сознании и образе жизни, требующем радикально изменить мир в заведомо, как ему кажется, лучшем направлении, желающем всего и сейчас. Хилиастическое сознание конструирует свой утопический, резко отличный от повседневного мировосприятия мир.

В истории Нового времени был поворотный момент, когда хилиастические чаяния объединились с активными стремлениями угнетенных слоев общества, становящихся пауперами, т. е. массой обнищавших и отчаявшихся одиночек «без роду и племени», т. к. последние (род и племя) были уничтожены индустриализацией и урбанизацией. Тогда и появляются условия для появления новых общностей – хилиастических движений под революционно-преобразовательными, коллективистско-эгалитарными лозунгами и программами: первоначально нонконформистско-религиозные (анабаптисты, другие радикальные секты), оказавшие глубокое влияние на последующие исторические события, в том числе и на возникновение, последующую теорию и практику социалистических, анархистских, коммунистических идей. Их можно квалифицировать как человеческие объединения с квазиорганической солидарностью.

Заключение

Выявлены как общие черты между связностью биологических сообществ и солидарностью людских объединений, так и существенные различия. Существеннейшими из последних являются человеческие способности к самоограничению и дисциплине как следствия сознательного характера солидарности.

Солидарность как специфическая социальная форма взаимодействия людей является не следствием их психологических особенностей, а обуславливается способами, какими ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, сообразно их количеству и степени сближения. Важнейшим психологическим измерением солидарности естественных групп является органичность – целостность, взаимосогласованность индивидуальных чувствований и переживаний, выступающих как единое целое по отношению к другим группам.

Солидарность есть связность человеческих сообществ, основанием которой выступают исторические типы социального взаимодействия, а единство элементов задается как степенью неблагоприятности окружения, так и степенью внутренней взаимосогласованности интересов и чувств. В зависимости от исторической конкретики действия факторов разделение труда и персонализации солидарность обнаруживает две свои основные устойчивые формы: органическую и рационализированную. К историческим формам органической солидарности мы относим родовую, семейно-клановую, эгалитарную, сословную и хилиастическую.

Итак, солидарность атрибутивна нашей природе. Наряду с тем не следует забывать и о ее двойственности. Коллектив с органической солидарностью дает человеку многое: чувство укорененности, основательности своего места в мироздании; психологическую комфортность; чувство безопасности и эмоциональной общности; мотивацию самообразования и т. п. Однако и требует за это немалого: отказа от суверенности своего Я – вне нормативных рамок признаваемого дозволенным, от ненормируемой инициативности и творчества и в конце концов от своей самобытности. Все ли готовы к этому?

Литература

1. Окатов А. В. Проблема социальной солидарности в классической социологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. 2017. Т. 3. № 1. С. 57–65.
2. Попкова Т. В. Солидарность и солидаризм как социальная и научная проблема // Новые исследования Тувы. 2013. № 1. С. 39–48.
3. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. 256 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
5. Сендеров В. Солидаризм – третий путь Европы? // ЭОН. Альманах старой и новой культуры. 2018. № XIII. С. 130–150.
6. Wilson E. Sociobiology: the new synthesis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975. 697 p.
7. Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1989. 848 p.
8. Bribiescas R. G. Men: Evolutionary and Life History. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006. 320 p.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

9. Марков А., Наймарк Е. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 656 с.
10. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
11. Резникова Ж. И. Эволюционные и этологические аспекты общественного образа жизни у животных // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 2. С. 290–306.
12. Кропоткин П. А. Взаимопомощь среди животных и людей. Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. 314 с.
13. Ethnic conflict and indoctrination: altruism and identity in evolutionary perspectives / eds. Eibl-Eibesfeldt I., Salter F. K. Berghahn Books, 2001. 512 p.
14. Симонова О. А. Комтер А. Эволюционные основы человеческого великодушия. Реф. ст.: Komter A. The evolutionary origins of human generosity // International sociology. Cardiff, 2010. Vol. 25. № 3. P. 443–464 // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования / отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 267–279.
15. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001. 384 с.
16. Лаверычева И. Г. Биосоциальная теория альтруизма и эгоизма. СПб.: Нестор, 2007. 124 с.
17. Абрамова А. В. Генетика и мораль: к вопросу о детерминированности нравственного поведения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 115–121.
18. Семенов Ю. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 31–46.
19. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. 704 с.
20. Филиппов А. Ф. Мобильность и солидарность: Статья вторая // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 19–39.
21. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012 / ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 96–167.
22. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
23. Румянцева Н. Л. Историческая эволюция индивидуализма и коллективизма как базовых ценностей человека и социума // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 219–223.
24. Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования / отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2014. 284 с.
25. Солидарность и конфликты в современном обществе: XII Ковалевские чтения / отв. ред. Ю. В. Асочаков. (Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2018 г.) СПб.: Скифия-принт, 2018. 600 с.
26. Нартова-Бочавер С. К., Бочавер К. А., Бочавер С. Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011. 320 с.
27. Красиков В. И. Один или вместе? Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 88 с.
28. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли. Формирование основ мировоззрения и менталитета. М.: Наука, 1989. 329 с.
29. Суриков И. Е. Античная Греция. Т. 2: Политогенез, политические и правовые институты. М.: ЯСК, 2018. 758 с.
30. Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 560 с.
31. Лебский А. В. Ценности коллективизма и проблема идентичности в современных обществах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 1. С. 17–23.
32. Мангейм К. Идеология и утопия // Социология власти. 2010. № 3. С. 235–250.

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

Solidarity as a Socio-Anthropological Phenomenon

Vladimir I. Krasikov [a, @, ID]

[a] All-Russian State University of Justice, Bld.1, 2, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638

[@] KrasVladIv@gmail.com

[ID] www.researcherid.com/rid/Y-8080-2018

Received 21.11.2019. Accepted 13.12.2019.

Abstract: New humanities, e.g. sociobiology, human ethology, evolutionary anthropology, etc., have delivered a lot of new knowledge. As a result, scientists have to update some old traditional concepts. The research objective was to examine the phenomenon of solidarity in the context of new approaches. The author compared the biological and anthropological characteristics of this phenomenon and defined it via specifically social forms of human interaction and historical cases. The connectivity of biological communities and the solidarity of human associations revealed some similarities and differences. Human abilities for self-restraint and discipline are consequence of the conscious nature of solidarity. Solidarity as a specifically social form of interaction does not result from the psychological characteristics of people. It expresses the ways people interact with each other, according to their number and degree of convergence. The most important psychological sign of the solidarity of natural groups is their organicity, or integrity, as well as the mutual coordination of individual feelings and experiences. Solidarity is the cohesion of human communities, based on historical types of social interaction. The degree of unfavorable environment and the degree of internal coordination of interests and feelings determine the degree of unity of the group. The author identified two main stable forms of solidarity in history – organic and rationalized. The historical dynamics of the division of labor and personalization determine these forms of solidarity. The author also established the following historical forms of organic solidarity: patrimonial, family-clan, egalitarian, class, and chiliastic.

Keywords: anthropological aspect, socio-historical aspect, connectedness of biological communities, solidarity in society, social interaction, organic solidarity, rationalized solidarity, clan solidarity, family-clan solidarity, egalitarian solidarity, corporate solidarity, chiliastic solidarity

For citation: Krasikov V. I. Solidarity as a Socio-Anthropological Phenomenon. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(4): 355–364. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

References

1. Okatov A. V. Problem of social solidarity in classical sociology. *Tambov University Review. Series Social Sciences*, 2017, 3(1): 57–65. (In Russ.)
2. Popkova T. V. Solidarity and solidarism as a social and research problem. *Novye issledovaniia Tuvy,* 2013, (1): 39–48. (In Russ.)
3. Kropotkin P. A. *Mutual assistance as a factor in evolution.* Moscow: Samoobrazovanie, 2011, 256. (In Russ.)
4. Durkheim E. *On the division of social labor. The method of sociology.* Moscow: Nauka, 1991, 575. (In Russ.)
5. Senderov V. Solidarity – the third way of Europe? *EON. Almanakh staroi i novoi kultury*, 2018, (XIII): 130–150. (In Russ.)
6. Wilson E. *Sociobiology: the new synthesis*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975, 697.
7. Eibl-Eibesfeldt I. *Human ethology*. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1989, 848.
8. Bribiescas R. G. *Men: Evolutionary and Life History*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006, 320.
9. Markov A., Naimark E. *Evolution. Classic Ideas in the Light of New Discoveries*. Moscow: AST: CORPUS, 2014, 656. (In Russ.)
10. Palmer J., Palmer L. *The ultimate origins of human behavior.* St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2003, 384. (In Russ.)
11. Reznikova Zh. I. Evolutionary and behavioural aspects of social life in animals. *Informatsionnyi vestnik VOGiS*, 2007, 11(2): 290–306. (In Russ.)
12. Kropotkin P. A. *Mutual assistance among animals and people*. Minsk: Belaruskaia Entsyklapedyia, 2006, 314. (In Russ.)
13. *Ethnic conflict and indoctrination: altruism and identity in evolutionary perspectives*, eds. Eibl-Eibesfeldt I., Salter F. K. Berghahn Books, 2001, 512.
14. Simonova O. A. Summary of the article: Komter A. The evolutionary origins of human generosity. In: International sociology. Cardiff, 2010, 25(3): 443–464. *Social solidarity and altruism: Sociological tradition and modern interdisciplinary research*, ed. Efremenko D. V. Moscow: INION RAN, 2014, 267–279. (In Russ.)
15. Darwin Ch. *On the expression of emotions in humans and animals*. St. Petersburg: Piter; 2001, 384. (In Russ.)
16. Laverycheva I. G. *Biosocial theory of altruism and egoism.* St. Petersburg: Nestor, 2007, 124. (In Russ.)
17. Abramova A. V. Genetics and morality: on determinism of moral behavior. *Izvestiia Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2019, (1): 115–121. (In Russ.)
18. Semenov Yu. I. On primitive communism, Marxism and human essence. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992, (3): 31–46. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-4-355-364

19. Mannheim K. *The diagnosis of our time.* Moscow: Iurist, 1994, 704. (In Russ.)
20. Filippov A. F. Mobility and solidarity. Paper 2. *Russian Sociological Review*, 2012, 11(1): 19–39. (In Russ.)
21. Gofman A. B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? *About two forms of social integration. Sociological Yearbook 2012*, eds. Pokrovskii N. E., Efremenko D. V. Moscow: INION RAN, 2013, 96–167. (In Russ.)
22. North D., Wallis D., Weingast B. *Violence and social order: a conceptual framework for interpreting the written history of mankind*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2011, 480. (In Russ.)
23. Rumyantseva N. L. Historical evolution of individualism and collectivism as base values of the person and society. *Historical and Social-Pedagogical Studies*, 2012, (1): 219–223. (In Russ.)
24. *Social solidarity and altruism: Sociological tradition and modern interdisciplinary research*, ed. Efremenko D. V. Moscow: INION RAN, 2014, 284. (In Russ.)
25. *Solidarity and conflicts in modern society: XII Kovalevsky Readings*, ed. Asochakov Yu. V., St. Petersburg, November 15–17, 2018. St. Petersburg: Skifiia-print, 2018, 600. (In Russ.)
26. Nartova-Bochaver S. K., Bochaver K. A., Bochaver S. Yu. *Family living space: unification and separation.* Moscow: Genezis, 2011, 320. (In Russ.)
27. Krasikov V. I. *Alone or Together?* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1993, 88. (In Russ.)
28. Vasiliev L. S. *Problems of the Genesis of Chinese Thought. The formation of the foundations of worldview and mentality.* Moscow: Nauka, 1989, 329. (In Russ.)
29. Surikov I. E. *Antique Greece. Vol. 2: Politogenesis, political and legal institutions.* Moscow: IaSK, 2018, 758. (In Russ.)
30. Gurevich A. Ya. *Selected Works. The Medieval world*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, 560. (In Russ.)
31. Lebskiy A. V. Values of collectivism and the problem of identity in modern societies. *University news. North-Caucasian region. Social sciences series*, 2015, (1): 7–23. (In Russ.)
32. Mannheim K. Ideology and utopia. *Sociology of Power*, 2010, (3): 235–250. (In Russ.)